

Т.И. АКИМОВА
(Саранск)

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ
ЕКАТЕРИНЫ II
И Г.Р. ДЕРЖАВИНА
ОБ ОТНОШЕНИЯХ МОНАРХИИ
И ДВОРЯНСТВА («Сказка
о царевиче Хлоре» и державинский
цикл стихотворений о Фелице)**

Внешне противопоставляя свою сибаритскую жизнь скромности и трудолюбию Екатерины, Державин на деле хвалит ее за отказ от деспотии, уважение к человеку и снисхождение к его слабостям. Кроме того, Державин выступает в оде не как профессиональный придворный гимнопевец, а как свободный, точнее, освобожденный царицей дворянин. Он облакает оду в «рамку» дружеского послания царице о собственной эпикурейской жизни, которой он всецело обязан адресату.

Ключевые слова: *шутливо-галантная сказка, ода как дружеское послание, свободный диалог с царицей, снисхождение к слабостям, поэт-дворянин.*

Как известно, «Сказка о царевиче Хлоре» (1781) была написана Екатериной II для ее внука, Великого князя Александра Павловича, которому царица намеревалась передать трон в обход нелюбимого сына Павла. Екатерина недвусмысленно дала понять, что сказка – политический манифест, и ожидала литературного ответа. Первым таким ответом стала ода Г.Р. Державина «Фелица» (полное название «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт Петербурге. Переведена с арабского языка 1782»), тотчас же опубликованная «Собеседником любителей русского слова» и преподнесенная государыне княгиней Е.Р. Дашковой и ее советником О.П. Козодавлевым. Козодавлев якобы дал слово автору «Фелицы» никому ее не показывать [9]. Он

жил в одном доме с поэтом и, увидев оду, «выпросил на короткое время» [7, с. 130]. «Козодавлев, увидев рукопись, прочел из нее несколько строк и под клятвой никому постороннему не показывать выпросил позволение дать ее прочесть тетке своей Анне Осиповне Бобрищевой-Пушкиной, любившей поэзию и особенно стихи Державина. Вечером того же дня поэт получил оду обратно, но через несколько дней, против всякого чаяния, услышал, что она открыто читана в доме И.И. Шувалова на обеде, в присутствии многих знатных гостей» [1, с. 198]. И Козодавлев, и Дашкова могли предугадать последовавшую положительную реакцию императрицы на оду малоизвестного писателя. С чем же была связана такая реакция?

Некоторые подтексты «Фелицы» становятся понятнее в сопоставлении с последующими стихотворениями Державина, обыгрывающими ту же тему «Фелицы». Прежде всего, это «Изображение Фелицы» (1789), построенное по образцу ломоносовского «Разговора с Анакреонтом» («заказа живописцу»), а также «Видение мурзы» (1783).

В соответствии с нормой хвалебной оды русскому абсолютизму просветительская идеология представлена в «... Хлоре» атрибутом «богоподобной царицы». Одическую норму Екатерина использовала для утверждения не только права просвещенного монарха на абсолютную власть, но и своего личного права на трон. Однако оду царица заменяет шутливо-галантной эзотерикой сказки рококо. «Высокие образцы древности утрачивают прежнюю магическую силу сакрализации, а идентифицированная с ними императрица вынуждена отказываться от всякого мифологического уподобления, действуя во все более секуляризованном пространстве реальной политики» [6, с. 217]. Собственно, именно галантность (уважительность плюс игривое изящество) и обрело статус эзотерики в культуре рококо. В этой замене Державин чутко уловил личность автора и его новую воспитательную доктрину: воспи-

тивать подданных шутя и непринужденно, как мать воспитывает детей. В «Фелице» поэт подхватывает шутивно-ироничный тон создательницы «Хлора», – радикально меняя не только содержание, но и жанровую суть оды.

Косвенно «Фелица» высвечивает одический фундамент «Сказки о Хлоре», чей герой эпически объединяет в себе народ. В то же время образ автора «Фелицы» объединяет ряд конкретных придворных персон (Я.К. Грот, комментируя оду, выводит ряд сановников, чье поведение получает отражение в державинской «Фелице»: Г.А. Потёмкин, А.Г. Орлов, П.И. Панин, С.К. Нарышкин, А.А. Вяземский, однако при изображении поэтом пороков в оде отсутствует сатирический элемент, только шутивно-иронический), которые, в свою очередь, символизируют народ, подлежащий царскому воспитанию: «Таков, Фелица, я развратен! / Но на меня весь свет похож ...» [2, с.36] (здесь и далее курсив мой. – Т.А.). Однако образ автора внутренне един. Часть «прихотей», очевидно принадлежит самому поэту:

... Преображая в праздник будни, / Кружу в химерах мысль мою ...

... Иль сидя дома я прокажу, / Играю в дураки с женой;

То с ней на голубятню лажу, / То в жмурки резвимся порой;

То в свайку с нею веселюся, / То ею в голове ищуся;

То в книгах рыться я люблю, / Мой ум и сердце просвещаю,

Полкана и Бову читаю; / За Библией, зевая, сплю ... (Там же).

Описание же прочих «прихотей» – сна «до полудни», кофе и табака, «прельщения нарядом», «пира пребогатого», загородных выездов с «младой девицей», конных скачек, охоты, кабаков («шинков») и пр. (Там же, с. 35–36) – по своей эмоционально-стилистической окраске абсолютно подобно тому, что реально присуще автору «Фелицы». Державин, стремясь войти в ближний екатерининский круг, рассчитывал, в том числе, и на доступ к описанным в «Фелице» забавам. В выборе двух модусов светской жизни, складывающихся в 70–80-е годы XVIII в., Державин принимает не шегольскую культуру формирующейся столичной молодежи, а те правила этикета, которые устанавливаются Екатериной II для ее ближнего круга, высту-

пающей в нем в роли «частной хозяйки и светской дамы». Особенностью этого поведения являются равноправные отношения всех членов сообщества. Нерешительность поэта в намерении опубликовать «Фелицу» была связана с непринадлежностью Державина к этому кругу «придворного общества и дипломатического корпуса» [8, с. 90]. Поэтому трудно согласиться с бытовавшей в советское время оценкой этого описания как сатиры на нравы придворного круга. См., напр.: «...сатирические портреты вельмож в этих одах уже не сказочные, а вполне земные и русские. Современники легко узнавали, в кого именно целил поэт. Ода включала в себя систему намеков и иносказаний, до нее блестяще разработанных русской сатирической журналистикой 1769–1772 годов, особенно журналами Новикова» [10, с. 62]. Гораздо ближе оно к поздней поместной анакреонтике Державина. Вместе с тем образ автора в «Фелице» скорее обобщенно-личный. Описанные прихоти представляют весь спектр развлечений состоятельного дворянина. Поэтому можно сказать, что Державин обращается к царице как от своего имени, так и от имени всего дворянства.

Внешне Державин противопоставляет свое сибаритство царскому трудолюбию и скромности:

... Мурзам твоим не подражая, / Почасту ходишь ты пешком,

И пища самая простая / Бывает за твоим столом;

Не дорожа твоим покоем, / Читаешь, пишешь пред налоем ...

Подобно в карты не играешь, / Как я от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады, / А в клуб не ступишь и ногой;

Коня парнаска не седлаешь, / К духам в собранье не въезжаешь ...

Но, кротости ходя стезею, / ... Полезных дней проводишь ток ... [2, с. 34].

Однако затем Державин обнаруживает чудотворную благодать Фелицы не в строительно-государственной мощи, как это полагалось в хвалебной оде, начиная с Ломоносова. Она состоит, в первую очередь, в отказе от деспотии:

... Слух идет о твоих поступках, / Что ты нимало не горда,

Любезна и в делах и в шутках ... / ... Что будто всегда возможно

Тебе и правду говорить.

*Неслыханное также дело, / Дстойное
тебя одной,*

*Что будто ты народу смело / О всем, и
въявь, и под рукой,*

И знать, и мыслить позволяешь ...

*... можно пошептать в беседах, / И каз-
ни не боясь, в обедах*

За здравие царей не пить.

*... с именем Фелицы можно / В строке
описку поскоблить,*

*Или портрет неосторожно / Ее на зем-
лю уронить ... [2, с.37 – 38].*

*Деспотия не совместима с уважением к
личности, присущим Фелице:*

*Там свадеб иштотских не парят, / В ле-
довых банях их не жарят,*

*Не щелкают в усы вельмож, / Князья на-
седками не клохчут,*

*Любимцы въявь им не хохочут, / И са-
жей не марают рож ... (Там же, с. 38).*

Из уважения Екатерины к лично-
сти вытекает, по мнению Г.Р. Державина,
снисхождение к ее слабостям. Царица «... о
Себе не запрещает / И был, и небыль го-
ворить ... / ... Ее всех милостей Зоилам /
Всегда склоняется простить ...» (Там же).
В конечном счете, фундаментом благостей
Фелицы-Екатерины оказывается освобожд-
ение личности, и прежде всего – дворян-
ской, т.е. подтверждение «Манифеста о
вольности дворянства» 1762 г.:

*... Фелицы слава, слава Бога ... / ... Ко-
торый даровал свободу*

*В чужие области скакать, / Позволил
своему народу*

*Сребра и золота искать ... / Который ... /
Развязывая ум и руки,*

*Велит ... / ... счастье дома находить ...
(Там же, с. 39).*

Эта мысль программно разворачивает-
ся в «Изображении Фелицы» (1783), фак-
тически перелагающем «Наказ» Екатерины
1767 г. («В государстве, то есть в собрании
людей, обществом живущих, где есть зако-
ны, вольность не может состоять ни в чем
ином, как в возможности делать то, что
каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть
принуждену делать то, что хотеть не долж-
но» [3]) и ее «Жалованную грамоту горо-
дам» [11] – прежде всего в части утвержде-
ния прав и свобод подданных:

*Я счастья вашего искала / И в вас его
нашла я вам;*

*Став сами вы себе послушны, / ... будь-
те столь благополучны, / Колико может че-
ловек ...*

*Я вам даю свободу мыслить / И разу-
меть себя, ценить,*

*Не в рабстве, а в подданстве числить /
И в ноги мне челом не бить ...*

*Даю вам право ... / Читать и знать мои
законы / И в них ошибки замечать ...*

... И не всегда меня хвалить ...

*Даю вам право беспристрастно / В судьи
друг друга выбирать,*

*Самим дела свои всевластно / И начи-
нать, и окончат ... [2, с. 59 – 60].*

Царица, таким образом,

*... став владычицей сердец, / Бесстраш-
но ... узы разрешила*

*Издравле скованных цепями, / Свободой ...
рабов пленила*

И нарекла себе детьми ... (Там же, с. 58).

Отказ от деспотии, уважение к лично-
сти и снисхождение к ней коренятся в чело-
вечности Фелицы, признаваемой в «Виде-
нии мурзы: «Владыки света – люди те же; /
В них страсти, хоть на них венцы ...» (Там
же, с. 44). В «Изображении Фелицы» эта
человечность становится программой:

*Народ счастливый и блаженный / Вели-
кой бы ее нарек,*

*Поднес бы титулы ей священны; / Она б
рекла: «Я – человек» (Там же, с. 65).*

См. комментарий Грота: «В 1767 году
комиссия депутатов поднесла императрице
через сенат наименование Великой, Пре-
мудрой Матери отечества, а в 1779 петер-
бургское дворянство просило ее принять
название Великой. В оба раза она отказа-
лась от этих титулов» [1, с. 289]. Именно
сознательный отказ царицы от божествен-
ного естества в пользу человеческого пара-
доксальным образом оказывается в основе
демиургии Фелицы, которой

*... единой лишь пристойно ... / ... свет из
тьмы творить;*

*Деля хаос на сферы стройно, / Союзом
целость их крепить;*

Из разногласия согласие ... [2, с. 37].

Эта же демиургия представлена в оде
«Изображение Фелицы»:

*Рекла, – и взор бы озарился / Ее рукою ...
... солнца в путь свой покатались / И
тысящи вкруг их планет;*

*Из праха грады возносились, / Восстали
царства, – и был свет ...*

*Изобрази мне мир сей новый / В лице
младого летня дня ... (Там же, с. 60).*

Таким образом, «Изображение Фе-
лицы» обнажает главную роль Екатери-
ны в первой посвященной ей державин-

ской оде, отличающейся от существующего одического канона. *Фелица выступает не только и не столько **противоесом**, сколько **источником** свободной («приватной») жизни дворянина и, тем самым, его сибаритства.* Это меняет как статус и характер автора хвалебной оды, так и ее жанровую суть. К царице-человеку обращается не анонимный голос влюбленного народа, а свободный, точнее, освобожденный ею дворянин (см. у Р. Николюхи о различии образа автора у Ломоносова и его последователя: «Державин созерцает город уже не только извне, но, как и Кварнеги в своих акварелях, и изнутри, к тому же из перспективы, соответствующей пределу человеческого глаза. Носителем этой новой интерпретации городского пространства в одах Державина выступает лирическое “я”, тематизирующее само себя, а не коллективное “мы”, как в одах Ломоносова» [5, с. 169]). Это позволяет Державину впервые в русской литературе превратить хвалебную оду царице в *дружеское послание* ей. Содержание послания – свободная и «пышная» жизнь дворянина, которой он всецело обязан царице и в которой духовно управляет ею.

Этот поэтический модус диалога с царицей становится предметом авторской рефлексии и публичной дискуссии с оппонентами в «Видении мурзы» (1783). Уже в начале своего ночного размышления поэт, как и в «Фелице», предстает не рабски преданным гимнопевцем, а самодостаточной личностью, сосредоточенной на собственной жизни:

... Блажен, воспел я, кто доволен / В сем свете жребием своим,

Обилен, здрав, покоен, волен / **И счастлив лишь собой самим** ... [2, с. 42].

После чудесного появления и исчезновения Фелицы, упрекнувшей его в чрезмерной поэтической лести, «мурза» вспоминает упреки своих критиков на ту же тему. Упреки эти оказываются взаимоисключающими: ... *тот хотел арбуза, / А тот соленых огурцов* ... (Там же, с. 45). Одни видят поэта чрезмерно лстивым, т.е. традиционным одописцем:

... Иной вменял мне в преступленье, / Что я посланницей небес

Тебя быть мысли в восхищенье / И лил в восторге токи слез ...

Другие, привыкшие к рабскому самоунижению перед монархом (почти по тексту «Фелицы»), считают мурзу чересчур вольным в обращении с царицей:

... Иной отнес себе к бесчестью, / Что не дерут его усов;

Иному показалось больно, / Что он на седкой не сидит;

Иному – очень своевольно / С Тобой Мурза Твой говорит ... (Там же).

Ни тем, ни другим не дано понять гармонию восхищения и свободу, присущую свободному дворянину и свободному поэту в диалоге с освободившей его царицей. Именно этот единственно возможный модус отношений с царицей позволяет поэту ... *в шутках правду возвещ[ать]* (Там же) и рождает очевидный куртуазный подтекст отношения мурзы к ней как к «владычице души ...» (Там же, с. 58). Этот сдвиг авторской позиции обусловлен сменой статуса поэзии в глазах самой Екатерины – «Фелицы». С одной стороны, поэтическая хвала низводится царицей со ступени «пророчества» и государственной миссии до приятной забавы:

... Пророком ты того не числишь, / Кто только рифмы может плести ...

Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна,

Как летом вкусный лимонад ... (Там же, с. 37).

С другой стороны, поэтическое суесловие и графоманство она больше не считает изменой и бунтом: ... *Не воспрещ[ает]* ... *стихотворцам / Писать и чепуху, и лести* ...» (Там же, с. 60).

Поэтому в качестве образца разумной скромности и неустанного трудолюбия царица выступает не только источником, но и своеобразной редуцирующей рамкой эпикурейской жизни своего «мурзы», побуждая его жить не только «пышно», но и «правдиво» и не позволяя его *слабостям* перейти в пороки, вредящие ему самому и другим. Главное «наставленье», которого мурза ждет от Фелицы, касается *меры*, пропорции удовольствия и пользы, в которой и состоит счастье:

... Подай, Фелица, наставленье: / Как **пышно и правдиво** жить?

Как укрощать страстей волненье / И счастливым на свете быть? (Там же, с. 34).

Царица *Дурачества* сквозь пальцы види[т] ... / ... *Проступки снисхожденьем прави[т]*... – лишь *зла не терпи[т]* одного

[2, с. 37]. Та же роль правительницы по *отделению* слабостей от *пороков* прямо прописана в «Изображении Фелицы», а точнее, «приписана» ей самой: *Но я во всем, что лишь не злобно, / Потщуся равнодушной быть ...* (Там же, с. 60).

Уже на излете эпохи «просвещенного абсолютизма» Гегель едко и небезосновательно определил хвалебную оду как «героизм лести». В России, однако, одическое «хваление» монарха имело ряд существенных отличий от общеевропейского контекста. Ломоносовская ода выражала искренний исторический оптимизм в отношении творческой и преобразовательной мощи государства, созданного Петром и символизируемого Елизаветой Петровной. Державинские хвалы Екатерине-Фелице не менее искренни, поскольку в той же мере относятся к современной жизни. Именно новая социально-политическая и духовная атмосфера екатерининского правления позволила Державину реформировать одическую хвалу монарху в трех отношениях: а) *за что хвалить*; б) *кому*; в) *как*.

Державин уловил, что суть «Сказки о Хлоре» – не в новых идеях, которые царевич усваивает у Фелицы, а в самой форме шутивно-галантной сказки, по-своему вобравшей в себя идейно-воспитательный пафос оды. Это дало ему основание: а) сделать объектом похвалы не Фелицу – условный образ, а реальный характер ее прототипа; б) хвалить царицу не столько за чудотворное государственное строительство, сколько за отказ от деспотии, уважение к человеку и снисхождение к его слабостям; в) рассказывать ей об этих слабостях в дружеском послании.

В лице Державина Екатерину хвалит не придворный гимнопевец, а свободный, точнее, освобожденный царицей дворянин, в дружеском послании рассказывающий о собственной эпикурейской жизни, которой он всецело обязан ей. Именно в социальном, правовом, административном и духовном освобождении состоит Золотой век дворянства при Екатерине Великой.

Как известно, Екатерина была весьма растрогана «Фелицей». Причина, видимо, состояла в том, что Державин понял царицу как человека (а не только как правителья) даже лучше, чем та ожидала. А именно: угадал ее желание общаться с «верно-

любезным дворянством» на равных, как с подлинно свободными людьми. Поэтому *диалог* одновременно выступает и *рамочной формой* державинской оды как дружеского послания царице, и подспудно главным *предметом* похвалы царице, содержащейся в нем.

Литература

1. Грот Я.К. Жизнь Державина. М., 1997.
2. Державин Г.Р. Сочинения: стихотворения. Записки. Письма. Л., 1987.
3. Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. М., 2003. Гл. V.
4. Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре. Спб., 1782.
5. Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика. М., 2009.
6. Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
7. Сочинения Г.Р. Державина / под ред. Я. Грота. Спб., 1864. Т.1.
8. Штедке К. Светский человек в русской культуре XVIII века (Семидесятые – восьмидесятые годы) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 754 : Символ в системе культуры. Тарту, 1987.
9. Бриллиант С.М. Г.Р. Державин. Его жизнь, литературная деятельность и служба. Спб., 1893. С. 39.
10. Серман И.З. Державин. Л., 1967. С. 62.
11. Грамота на права, вольности и преимущества вольного российского дворянства (1785) // Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. Т.5. Законодательство периода расцвета абсолютизма (любое изд.).

Literature dialog between Ekaterina II and G.R.Derzhavin about monarchy and nobility relations (“Tale about tsarevitch Khlor” and Derzhavin’s poetry cycle about Felitsa)

Outwardly opposing his sybaritic life to Ekaterina’s modesty and diligence Derzhavin praises her for refusal from despotism, respect and leniency. Besides, Derzhavin appears in ode to be not a professional court hymn singer but a free noble. He invests the ode with a frame of a friendly message to tsarina about his own epicurean life he is obliged to the addressee.

Key words: *playful and gallant tale, ode as a friendly message, free dialog with tsarina, leniency, noble poet.*